

A surgeon in blue scrubs and a surgical mask is focused on a patient in an operating room. The scene is lit by large overhead surgical lamps, creating a clinical and professional atmosphere. The surgeon's hands are visible, wearing gloves, as they work on the patient. In the background, various medical equipment and monitors are visible, slightly out of focus.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

Ярослав Северцев
Первокурсник из будущего

«Автор»

2026

Северцев Я.

Первокурсник из будущего / Я. Северцев — «Автор», 2026

Марк Саламонович Вознесенский — легенда мировой нейрохирургии конца XXI века. Человек, чьи операции изучали по всему миру, а пациенты считали чудотворцем. Но одна случайная смерть перечеркнула всё. Или нет? Вместо небытия Марк приходит в себя в Москве 2026 года. Теперь он — Евгений Климов, восемнадцатилетний первокурсник медицинского университета. Избалованный мажор, прожигатель жизни и позор собственной семьи, поступивший на лечфак благодаря деньгам и связям влиятельного отца. Только теперь в теле бездельника живёт разум человека, который полвека спасал жизни и двигал медицину вперёд. Гению из будущего предстоит начать всё с нуля. И на этот раз у него не будет ни имени, ни репутации, ни права на ошибку.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

Глава 1

Глава 1. Последний разрез

Шовный материал «Пролен» три нуля ложился на рану с идеальным, едва слышным шуршанием. Марк Саламонович Вознесенский работал без микроскопа на финальном этапе, полагаясь исключительно на бинокулярную лупу и ту абсолютную, почти пугающую мышечную память, которая делает обычного хирурга великим. Двенадцатый час на ногах. Операционная зона номер четыре Института экспериментальной нейрохирургии имени Бурденко тонула в ровном, слегка синеватом свете бестеневых ламп нового поколения. На дворе стоял конец двадцать первого века — эпоха, когда медицина научилась выращивать искусственные почки, но человеческий мозг по-прежнему оставался хрупким, капризным и совершенно непредсказуемым куском серого вещества.

— Клипса на месте, Марк Саламонович. Пульсация аневризмы прекратилась, — глухо из-под маски произнесла ассистентка, молодая тридцатилетняя женщина, у которой от напряжения мелко дрожали крылья носа. Для неё эта операция была сродни полету в дальний космос. Для Вознесенского — просто сложным вторжением на чужую территорию.

— Вижу, Ковалева. Не дергайся, — голос Марка Саламоновича, несмотря на глубокие семьдесят лет и двенадцать часов стояния у стола, звучал как сухой удар кастаньет. — Подайте биполяр. Коагуляция твердой мозговой оболочки. Нам не нужны ликворные свищи послезавтра.

Он работал методично. Пациент — тридцатипятилетний архитектор с гигантской мешотчатой аневризмой базилярной артерии — фактически уже был на том свете, когда его доставили в клинику. Семьдесят процентов хирургов отказались бы сразу. Еще двадцать девять — вскрыли бы черепную коробку и закрыли обратно, констатировав неоперабельность. Вознесенский взял скальпель. Он перестроил схему доступа на ходу, пройдя через субвисочный путь так чисто, словно резал не живого человека, а спелый арбуз.

— Гемостаз идеальный, — Марк Саламонович выпрямил спину. Позвоночник отозвался сухим, глухим хрустом в районе поясницы. Старость — дрянная штука, даже если ты возглавляешь ведущий нейрохирургический центр страны и твои руки застрахованы на восьмизначную сумму. — Ковалева, зашивай апоневроз и кожу. Сама справишься. Я на боковую. Если будет подтекание по дренажу больше пятидесяти миллилитров за час — будить меня сразу.

Он содрал с себя латексные перчатки — они с тихим шлепком улетели в контейнер для утилизации биоотходов. Стянул маску, обнажая бледное, испещренное глубокими морщинами лицо с жестким, тяжелым подбородком и умными, совершенно не уставшими глазами.

Марк Саламонович Вознесенский был гением. И он прекрасно об этом знал. Без ложной скромности, без кокетства. Его монографии лежали на столах студентов от Токио до Нью-Йорка, его авторская методика пластики синусов твердой мозговой оболочки спасла тысячи жизней. Он жил этой работой. У него не было семьи, не было хобби, не было дачи. Была только операционная и бесконечный, пульсирующий в ритме систолы и диастолы поток чужих жизней.

Выйдя из шлюза операционного блока, он прошел мимо пустых постов вечерней смены. Время близилось к трем часам ночи. Коридоры института тонули в полумраке, автоматическая система вентиляции едва слышно гнала очищенный, пахнущий озоном и легкой химией воз-

дух. Вознесенский шел к служебной лестнице, сознательно игнорируя лифт — после многочасовых операций нужно было хоть немного разогнать кровь в затекших ногах.

На площадке третьего этажа было темно. Энергосберегающие панели горели в четверть силы.

— Вознесенский! — хриплый, надрывный крик заставил хирурга остановиться.

Из тени возле окна шагнул человек. Фигура в грязном, расстегнутом пальто, из-под которого виднелась мятая домашняя футболка. Лицо мужчины было серым, глаза — дикими, с расширенными зрачками, в которых горело опасное, безумное пламя. Вознесенский мгновенно узнал его. Это был Полуянов. Муж пациентки, которую привезли неделю назад с неоперабельной глиобластомой четвертой стадии. Опухоль проросла в ствол мозга. Марк Саламонович тогда лично вышел к нему и прямо, без сопливой жалости сказал: «Операция бессмысленна. Осталось две недели. Обеспечьте уход».

— Полуянов? Вы что здесь делаете в такое время? Выход на лестницу ограничен, — Вознесенский нахмурился, делая шаг вперед, собираясь перекрыть безумцу проход к операционным.

— Вы её убили! — мужчина сорвался на визг, слюна брызнула из его рта. — Вы все... твари в белых халатах! Зажравшиеся палачи! Вы ставите эксперименты! Вы отказались её резать, потому что вам не заплатили! Вы её приговорили!

— Послушайте меня внимательно, — голос Марка Саламоновича оставался ледяным. Он не боялся. За сорок лет практики он видел сотни психопатов в состоянии аффекта. — У вашей жены тотальное поражение стволовых структур. Любой нож в этой зоне — мгновенная смерть на столе. Идите домой. Нам обоим нужно отдохнуть.

— Нет... нет, доктор. Отдыхать ты будешь в другом месте, — Полуянов резко выдернул руку из кармана пальто.

В тусклом свете блеснуло лезвие — тяжелое, граненое шило с самодельной деревянной ручкой. Марк Саламонович успел оценить траекторию удара чисто профессионально. Он попытался перехватить руку сумасшедшего, но семидесятилетнее тело, измочаленное двенадцатью часами сложнейшей работы, среагировало с опозданием на доли секунды.

Шило вошло легко, с мерзким хрустом преодолев сопротивление хряща. Чуть ниже левого угла нижней челюсти. Вверх и вглубь.

Вознесенский не почувствовал боли. Сначала был просто сильный, тупой удар, словно его стукнули бревном. Потом пришло тепло. Горячая, густая волна хлынула за воротник хирургического костюма.

«Левая внутренняя сонная артерия, — отстраненно, с пугающей четкостью зафиксировал мозг великого нейрохирурга. — Повреждение сквозное. Смерть наступит от острой гипоксии коры головного мозга в течение полутора-двух минут. Шансов на самопомощь ноль».

Полуянов что-то кричал, выдергивая оружие, собираясь ударить еще раз, но Марк Саламонович уже не слышал его. Ноги подогнулись, спина скользнула по холодному кафелю стены. В глазах стремительно темнело, сужая обзор до крошечной, тающей точки. Мысли, обычно четкие и быстрые, начали вязнуть, как мухи в сиропе.

«Глупая... абсолютно глупая, нетехнологичная смерть», — подумал Вознесенский, закрывая глаза. Последнее, что он зафиксировал — это нарастающий, оглушительный писк в собственных ушах. Мозг отключал периферию. Свет погас.

— Жека! Жека, вставай! Ты сдох там, что ли? Нас же Козлов живьем сожрет и не поморщится!

Звук пробился сквозь плотную, ватную тишину не сразу. Сначала пришла боль. Но не в шее, где должно было зиять смертельное отверстие от шила, а везде. Голова раскалывалась так, словно по ней методично били чугунным молотком. Во рту было сухо, присутствовал отчетли-

вый, отвратительный привкус дешевого алкоголя, застарелого табачного дыма и чего-то химически-сладкого.

Марк Саламонович открыл глаза и тут же зажмурился от резкого, бьющего по сетчатке солнечного света.

— Ну слава богу, живой, — раздался сверху гнусавый, ломающийся юношеский голос. — Давай, разлепляй фары. Время без двадцати восемь. Если мы опоздаем на первую лекцию по анатомии, Козлов нам этот зачетный семестр устроит в режиме анальной деструкции. Он мажоров вроде тебя на завтрак ест.

Вознесенский сел. Тело отозвалось вялостью, мышцы были какими-то мягкими, нетренированными, совершенно чужими. Он посмотрел на свои руки.

Это были не его руки.

Где узловатые, сухие пальцы с легким возрастным тремором, который исчезал только у операционного стола? Где шрам на левом запястье от ожога в детстве? Перед ним были гладкие, пухлые ладони девятнадцатилетнего парня, с короткими, неаккуратно подстриженными ногтями. На правой руке желтело пятно от вейпа.

— Что за... — попытался сказать Марк Саламонович, но из горла вырвался лишь сиплый, прокуренный баритон.

Он огляделся. Комната была небольшой, заваленной хламом. На полу валялись пустые банки из-под энергетиков, коробки от пиццы, какие-то яркие шмотки с непонятными логотипами. На столе стоял мощный игровой компьютер с тремя мониторами. Рядом с клавиатурой валялся открытый учебник... Марк Саламонович прищурился. «Анатомия человека. Привес». Издание старое, бумажное.

Перед ним стоял парень лет восемнадцати в мятой толстовке, с дурацкой стрижкой и прыщавым лбом. В руках он держал телефон. На экране телефона светилась дата: **6 сентября 2026 года**.

«Двадцать шестой? — мозг Вознесенского, привыкший обрабатывать критическую информацию за секунды, выдал короткое замыкание. — Какого черта? Я умер в операционном блоке в конце века. Сейчас двадцать шестой год. До моего рождения еще... стоп».

И в этот момент его накрыло.

Это не было похожем на чтение книги. Это был взрыв. Чужая память хлынула в его сознание мутным, грязным селевым потоком, вымывая остатки дезориентации.

Евгений Владимирович Климов. Восемнадцать лет. Единственный сын Владимира Климова, крупного чиновника из Министерства здравоохранения, курирующего закупки медицинского оборудования по Московскому региону. Мать — владелица сети частных косметологических клиник. Сам Женя — классическое ничтожество. Ленивый, глуповатый, избалованный парень, который до одиннадцатого класса не знал, чем отличается артерия от вены, и проводить время предпочитал в клубах Патриарших прудов, спуская родительские деньги на элитный алкоголь.

В медицинский вуз — Первый МГМУ имени Сеченова, на престижнейший лечебный факультет — Женя попал исключительно потому, что отец «занес» кому надо три с половиной миллиона рублей и пообещал закрыть глаза на определенные нарушения в тендерах. Сам Женя учиться не собирался. Он планировал кое-как досидеть до третьего курса, перевестись на коммерческое отделение по косметологии и спокойно работать в маминой клинике, вкалывая ботокс богатым дурам.

Вчера была пятница. Первая неделя учебы. Женя Климов отметил её окончание так, что проснулся только сейчас. Точнее, не проснулся. Настоящий Женя Климов умер около четырех часов утра от острой сердечной недостаточности, вызванной убойной дозой контрафактного алкоголя. Сердце просто не выдержало.

А вот Марк Саламонович Вознесенский — выжил. В его теле.

— Эй, Климов! Ты че, завис? — прыщавый парень (память услужливо подсказала имя: Денис Шахов, одноклассник, такой же блатник, но калибром поменьше) потряс его за плечо. — Вставай, говорю! Одевайся. Машина внизу, я такси вызвал. Нам до Трубецкой ехать минут двадцать, если без пробок.

Марк Саламонович медленно поднялся на ноги. Чужое тело покачивалось, вестибулярный аппарат работал со сбоями, но сознание гениального хирурга уже полностью перехватило управление синапсами и нейронными связями.

«Значит, попадание, — подумал Вознесенский, и на его новом, молодом лице появилась жесткая, совершенно не свойственная преждему Жене Климову ухмылка. — Альтернативное прошлое. Начало века. Медицина здесь, по моим меркам, находится на уровне каменного века. Они до сих пор режут аппендицит через огромные доступы и считают глиобластому приговором. Что ж... Посмотрим, как устроен этот мир».

Он прошел в ванную, проигнорировав ворчание Шахова. Из зеркала на него смотрел симпатичный, но изнеженный парень с темными кругами под глазами и припухшим от пьянки лицом. Кожа бледная, тургор снижен — парень явно не дружил со спортом.

Марк Саламонович поднял руки. Вытянул их перед собой. Пальцы были длинными — это хорошо. Анатомическое строение кисти вполне приличное, сухожилия не повреждены. Он закрыл глаза и мысленно воспроизвел движение: завязывание хирургического узла одной рукой на глубине раны. Пальцы Климова дернулись, в точности повторяя микродвижения. Руки помнили. Мозг Вознесенского диктовал приказы, и молодое тело, хоть и с трудом, но подчинялось.

— Ну держись, Женя Климов, — тихо шепнул Марк Саламонович собственному отражению. — Диплом у тебя чужой. Но теперь мы будем играть по моим правилам.

Через десять минут они уже сидели на заднем сиденье черного такси, летящего по утренней Москве в сторону Садового кольца. Шахов всю дорогу что-то трещал про вчерашних девчонок, про то, сколько стоил столик в клубе, и как круто, что предки отмажут их от любых проблем.

Вознесенский не слушал. Он лихорадочно анализировал базу данных, оставшуюся от прежнего хозяина тела. Знаний по медицине там не было вообще. Ноль. Женя не знал даже названий костей. Зато в памяти четко отпечатались структура группы. Первокурсники лечфака. Первая группа. Декан — старый приятель отца. И профессор Козлов — заведующий кафедрой анатомии, старый, желчный сухарь, который ненавидел «блатных» всей душой и ставил своей целью отчислить как можно больше мажоров на первой же сессии.

И первая пара сегодня — анатомия. Тема: «Остеология. Позвоночный столб. Череп».

Такси резко затормозило у величественного здания анатомического корпуса на Моховой. Студенты в белых халатах кучками тянулись к массивному входу.

— Приехали, — Шахов выскочил из машины, на ходу натягивая белый медицинский халат. — Бежим, Жека! Три минуты осталось!

Марк Саламонович Вознесенский, он же Евгений Климов, спокойно вышел из машины. Он поправил воротник куртки, закинул на одно плечо дорогой кожаный рюкзак прежнего Жени и неторопливым, уверенным шагом профессионала, который провел в клиниках всю свою жизнь, направился к дверям вуза.

Его путь к новой вершине начинался прямо сейчас. С первой скамьи анатомического театра.

Глава 2

Глава 2. Анатомический шок

Массивные дубовые двери трибуны анатомического театра Первого МГМУ имени Сеченова помнили, казалось, ещё профессоров императорской эпохи. Запах здесь стоял специфический, вьевшийся в самую древесину и каменные плиты пола — густой, сладковатый аромат формалина, смешанный с запахом хлорки и дезинфицирующих средств. Для обычного первокурсника этот коктейль ароматов часто становился причиной внезапного обморока или, как минимум, стойкой тошноты.

Для Марка Саламоновича Вознесенского это был запах дома. Запах юности.

Он спокойно прошёл по крутым ступеням амфитеатра, выискивая глазами свободное место. Студенты первой группы лечебного факультета уже шумели, рассаживаясь по деревянным лавкам. Большинство из них выглядело растерянно: девятнадцатилетние юноши и девушки в хрустящих, только что из магазина белых халатах и медицинских шапочках, из-под которых испуганно поблескивали глаза. Они судорожно листали новенькие атласы Синельникова и Привеса, пытаясь за последние три минуты до звонка вбить в память хоть какие-то латинские термины.

— Жека, сюда! — Денис Шахов помахал рукой со второго ряда. — Я занял. Тут поближе к выходу, если что, можно в телефон повтыкать, пока этот старый хрыч бубнить будет.

Вознесенский молча сел рядом, аккуратно положив перед собой старую тетрадь и обычную шариковую ручку. Настоящий Женя Климов, конечно, притащил бы сюда топовый планшет последней модели, но Марк Саламонович предпочитал классику — моторная память руки, пишущей на бумаге, активизировала кору головного мозга куда эффективнее любого стилуса.

— Ты чё, с ума сошёл? — Шахов уставился на его тетрадку. — А где твой «Айпад»? Ты же вчера хвастался, что тебе батя какую-то лимитированную версию из Дубая привёз.

— Оставил дома, — коротко отрезал Вознесенский, даже не повернув головы. — Мешает концентрироваться.

Денис поперхнулся воздухом и внимательно посмотрел на приятеля. Тот сидел идеально прямо. Спина, которая у прежнего Жени всегда была сгорбленной, сейчас напоминала натянутую струну. Взгляд — холодный, собранный, устремленный строго вниз, на демонстрационный стол, где под простыней угадывались контуры учебного материала. От прежнего вальяжного мажора, который ещё вчера вечером пускал слюни в коктейльный бокал, не осталось и следа.

На первом ряду, прямо перед преподавательским столом, сидела староста группы — Алина Воропаева. Типичная отличница, поступившая по стобалльному ЕГЭ из провинции: строгие очки, идеально отглаженный халат, три цветные ручки, разложенные в строгом порядке, и взгляд, полный праведной решимости стать лучшей на курсе. Она обернулась, мазнула брезгливым взглядом по Климову и Шахову и что-то тихо шепнула своей подруге. В её картине мира такие, как они, были паразитами, занимающими чужие места. И, надо признать, прежний Женя Климов полностью соответствовал этой характеристике.

Ровно в 9:00 дверь внизу амфитеатра со скрипом отворилась. В зал вошёл профессор Аркадий Валерьевич Козлов.

Это был легендарный человек для Сеченовки. Сухой, поджарый, лет шестидесяти пяти, с абсолютно седой, аккуратно подстриженной бородкой и пронзительными, как у ястреба, глазами за тонкими стеклами очков в титановой оправе. Козлов славился тремя вещами: феноменальным знанием топографической анатомии, полным отсутствием жалости к студентам и лютой, почти карикатурной ненавистью к «целевикам» и блатным мажорам.

Профессор подошёл к столу, не глядя швырнул на него потёртую кожаную папку и обвёл аудиторию тяжёлым взглядом. В амфитеатре мгновенно воцарилась такая тишина, что стало слышно, как жужжит муха у верхнего окна.

— Здравствуйте, господа будущие коллеги, — тихо, но удивительно разборчиво произнёс Козлов. Каждый звук его голоса буквально ввинчивался в уши первокурсников. — Хотя, признаться честно, коллегами из вас станут в лучшем случае две трети. Остальные отсеются до первой зимней сессии. И я приложу к этому максимум своих скромных усилий. Медицина не терпит дураков, лентяев и тех, чьи родители думают, будто диплом врача можно купить в рассрочку.

При этих словах Козлов совершенно осознанно посмотрел прямо на Евгения Климова. Шахов рядом с Марком Саламоновичем демонстративно сжался, пытаясь мимикрировать под цвет деревянной скамьи. Вознесенский же ответил профессору прямым, спокойным и абсолютно равнодушным взглядом. Козлов едва заметно нахмурился — он ожидал увидеть в глазах мальчишки привычный страх, наглость или глуповатую улыбку, но наткнулся на ледяное спокойствие профессионала.

— Тема нашего первого занятия, — Козлов отвернулся, шагнув к доске, — остеология. Анатомия позвоночного столба и черепа. Базовые понятия, без которых вы в операционной будете выглядеть как мясники на базаре. Воропаева!

Староста мгновенно вскочила, вытянувшись во фрунт. Я! Дайте мне общую характеристику строения типичного позвонка на латыни. Быстро.

Алина глубоко вздохнула и затараторила, явно цитируя учебник: — Позвонок... *vertebra*... состоит из тела, *corpus vertebrae*, и дуги, *arcus vertebrae*. Они ограничивают позвоночное отверстие, *foramen vertebrale*... От дуги отходят отростки. Остистый отросток — *processus spinosus*, поперечные отростки — *processus transversus*...

— Достаточно, — перебил её Козлов, даже не повернувшись. — Стандартный текст из методички. Тройка с плюсом за механическую память. Садитесь, Воропаева. Философия анатомии не в том, чтобы зазубрить названия, а в том, чтобы понимать архитектуру.

Профессор медленно подошёл к демонстрационному столу, одним движением сдёрнул простыню, обнажая потемневший от времени анатомический муляж человеческого черепа и набор отдельных костей. Он взял в руки сложнейшую, причудливую кость, напоминающую своими очертаниями бабочку.

— Клиновидная кость, — ласково, словно держал хрупкую фарфоровую статуэтку, произнёс Козлов. — *Os sphenoidale*. Сердцевина основания черепа. Самая капризная, самая нелогичная для понимания вчерашнего школьника кость. Ну-ка... давайте проверим, как у нас дела с элитой курса. Климов!

По аудитории пронёсся тихий вздох. Денис Шахов под столом обречённо зажмурился. Алина Воропаева победоносно усмехнулась — все знали, что Женя Климов на вводном тестировании не смог отличить бедренную кость от плечевой.

— Я, — Марк Саламонович спокойно поднялся со своего места. Он не суетился, не оправдывался. Просто встал и замер.

— О, великие силы, оно разговаривает, — съязвил Козлов, и по аудитории покатались жидкие смешки. Профессор поднял руку, призывая к тишине. — Выйдите к столу, Климов. Порадуйте нас знаниями, за которые ваш уважаемый родитель так усердно ратовал перед приёмной комиссией.

Вознесенский неторопливо спустился по ступеням амфитеатра. Каждое его движение было выверено. Он подошёл к демонстрационному столу, остановился напротив профессора и посмотрел на кость в его руках. Внутри Марка Саламоновича проснулся старый, злой азарт. Этот мальчишка-профессор (а для семидесятилетнего Вознесенского шестидесятилетний Козлов был именно мальчишкой) решил устроить публичную порку? Ну что ж, пускай попробует.

— Возьмите, — Козлов протянул ему кость, ожидая, что парень возьмет её брезгливо или неуклюже.

Марк Саламонович взял клиновидную кость. Взял правильно — тремя пальцами за тело кости, так, чтобы не закрывать обзор анатомических ориентиров. Профессиональный хват хирурга. Козлов это заметил, и в его глазах впервые промелькнуло удивление.

— Слушаю вас, Климов. Покажите мне тело кости, её поверхности и... ну, хотя бы парочку отверстий. Если вспомните латынь, я буду крайне удивлен.

— *Os sphenoidale*, клиновидная кость, — голос Вознесенского зазвучал ровно, глубоко, без малейшей дрожи. Это был голос человека, читающего лекцию, а не отвечающего у доски студента. — Занимает центральное положение в основании черепа. Состоит из тела, *corpus*, и трех пар отростков: больших крыльев, *alae majores*, малых крыльев, *alae minores*, и крыловидных отростков, *processus pterygoidei*.

В зале стало тихо. Очень тихо. Алина Воропаева даже подалась вперед, едва не уронив свои цветные ручки.

— Продолжайте, — Козлов прищурился, его ирония куда-то улетучилась.

— Тело кости имеет шесть поверхностей, — Вознесенский развернул кость, указывая кончиком ручки, которую прихватил с собой, точно на анатомические зоны. — На верхней поверхности мы видим так называемое турецкое седло, *sella turcica*. В центре его располагается гипофизарная ямка, *fossa hypophysialis*, где проецируется нижний придаток мозга — гипофиз. Спереди от ямки находится бугорок седла, *tuberculum sellae*, сзади — спинка седла, *dorsum sellae*.

Козлов молчал. Он стоял, скрестив руки на груди, и его взгляд стремительно менялся от недоверия к глубокому шоку. Студенты на лавках зашептались. Шахов открыл рот так широко, что туда могла залететь та самая муха.

— В толще тела кости находится клиновидная пазуха, *sinus sphenoidalis*, относящаяся к воздухоносным путям, — продолжал Марк Саламонович, абсолютно не обращая внимания на произведенный эффект. Он был в своей тарелке. Он эту кость вскрывал сотни раз в своей прошлой жизни. — Теперь по поводу отверстий, профессор. У основания большого крыла располагаются три критически важных отверстия. Первое — круглое отверстие, *foramen rotundum*, через которое проходит верхнечелюстной нерв, вторая ветвь тройничного нерва. Второе — овальное отверстие, *foramen ovale*, для нижнечелюстного нерва. И третье, самое латеральное — остистое отверстие, *foramen spinosum*, через которое в полость черепа входит средняя менингеальная артерия.

Вознесенский сделал короткую паузу, посмотрел прямо в ошарашенные глаза Козлова и добавил с едва заметной тонкой ухмылкой: — Повреждение структуры в зоне *foramen spinosum* при черепно-мозговых травмах чревато формированием эпидуральной гематомы из-за разрыва упомянутой артерии, что требует немедленной декомпрессионной трепанации. Но это уже клиническая анатомия, прошу прощения.

В анатомическом театре повисла мертвая, звенящая тишина. Первокурсники, конечно, не поняли пассажа про эпидуральную гематому, но сама латынь, звучащая из уст вчерашнего мажора-прогульщика так, словно он на ней разговаривал с детства, повергла их в ступор.

Профессор Козлов медленно снял очки. Протёр их краем халата, надел обратно. Его пальцы слегка подрагивали.

— Климов... — тихо произнёс профессор. — Вы где это списали? У вас микронаушник?

— Вы можете осмотреть мои уши, Аркадий Валерьевич, — спокойно ответил Вознесенский, слегка повернув голову. — И обыскать карманы. Анатомия — это структура. Её нельзя просто списать, её нужно видеть пространственно.

Козлов сделал шаг вперед, выхватил из коробки на столе совершенно другую кость — височную, одну из самых сложных для изучения из-за обилия каналов лицевого и слухового нервов.

— Хорошо. Височная кость. *Os temporale*. Каналы. Назовите мне хотя бы проводящий путь лицевого нерва. Откуда заходит, где поворачивает, куда выходит.

Марк Саламонович даже не поморщился. Он взял височную кость, перевернул её каменистую часть к себе.

— Канал лицевого нерва, *canalis facialis*. Начинается на дне внутреннего слухового прохода — *meatus acusticus internus*. Идет горизонтально вперед и латерально, перпендикулярно оси каменистой части. Затем у расщелины канала большого каменистого нерва поворачивает назад и латерально под прямым углом, образуя коленце канала, *geniculum canalis facialis*. Далее идет вдоль оси каменистой части и, наконец, меняет направление на вертикальное, открываясь на основании черепа шилососцевидным отверстием — *foramen stylomastoideum*.

Когда Вознесенский закончил, Козлов медленно опустился на свой стул. Он смотрел на первокурсника Климова так, словно у того на голове только что выросли рога. Это не был ответ студента первого курса. Это не был даже ответ выпускника. Перед ним стоял человек, который понимал топографию нервных стволов так, будто сам их прокладывал.

— Кто... кто с вами занимался, Климов? — глухо спросил Козлов. — Отец нанял вам профессора из Питера? Или из Германии?

— Я просто решил, что медицина — это моё призвание, Аркадий Валерьевич, — скромно, но с достоинством ответил Марк Саламонович, аккуратно положила кость обратно на стол. — И за лето немного почитал учебники. Мне можно сесть?

— Да... Да, идите, Климов, — Козлов махнул рукой, все еще пребывая в глубоком пространии. — Пять. Жирная, безоговорочная пятерка. Первая пятерка на этом курсе.

Когда Вознесенский поднимался обратно на свой второй ряд, амфитеатр провожал его взглядами, в которых смешались дикий восторг, зависть и абсолютное непонимание. Денис Шахов смотрел на него так, словно Женю похитили инопланетяне и вернули обратно в виде киборга. А Алина Воропаева, староста, провожала его тяжелым, прищуренным взглядом. В её глазах читался четкий вызов: она не верила ни единому слову про «почитал летом». Здесь крылась какая-то тайна, и она твердо решила узнать, что за игру ведет этот заносчивый мажор.

Марк Саламонович сел на свое место, взял ручку и спокойно открыл тетрадь. Первое сражение в этом чужом, старом мире было выиграно. Но впереди была долгая война за право снова стать тем, кем он был всегда — лучшим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.